

А в это время в лазурном небе, казалось, витали строки, полные горькой и глубокой нежности:

Нежно обхватив ладонями твое лицо, я осушаю твои слезы.

В снах еще есть место, я все еще рядом с тобой, я никуда не ушел.

Я влил всю свою любовь в твое сердце, чтобы оставаться с тобой в хмельном дурмане тысячи лет.

Проснувшись, я чувствую то же, что и прежде.

Между мной, тобой и судьбой предопределено то, что нельзя изменить.

Мои чувства горячи и опасны.

Один лишь взгляд на тебя разжигает в моем сердце пламя, которое невозможно потушить.

Чем глубже, сильнее и страстнее любовь, не покраснеет ли небо от ярости?

Чем глубже, сильнее и страстнее любовь, не спрашивай, есть ли у нас завтра.

Чем глубже, сильнее и страстнее любовь, дай мне еще немного времени.

Чем глубже, сильнее и страстнее любовь, можно ли увидеть тебя в последний раз?

Настал второй год эры Юаньшоу. Лю Синю и Чжу Сюю было по двадцать пять лет, Дун Сяню — двадцать один.

В августе того же года Чжао Фэйянь и императрица Фу были вынуждены покончить с собой, а влияние Ван Мана еще сильнее укрепилось.

Пять лет спустя Ван Ман убил императора и возвел на престол нового правителя.

Еще через два года Ван Ман провозгласил себя императором новой династии, сменив название государства на Синь...

Двадцатый век, Канада.

— Молодой господин, молодой господин! Вы в порядке? — Вся прислуга дома Шао во главе с управляющим окружила юного хозяина, Шао Кэтана, который лежал без сознания после автомобильной аварии.

— Сяо Сянь? — Первым же словом, которое произнес пришедший в себя Шао Кэтан, было имя незнакомца.

— Брат, ты проснулся, правда? — Шестилетняя Шао Кэсюань смотрела на него невинными глазами.

— Кэ-Кэ... — Сердце Шао Кэтана сжалось от нахлынувших чувств.

О боже! Ты слишком жесток! Неужели ты устроил нам встречу с Сяо Сянем в таком обличье?!

Шао Кэтан готов был рыдать, но слез не осталось.

— Брат? — Шао Кэсюань, хоть и была мала, отличалась сообразительностью.

— Со мной всё в порядке, хочу еще отдохнуть. Вы не могли бы выйти? Если что-то понадобится, я вас позову, — он натянул на лицо мягкую улыбку.

На самом деле, глядя на это прекрасное, миловидное личико, он был так взволнован, что хотел разрыдаться в голос.

Когда все покинули его комнату, слезы наконец хлынули из его глаз — это были слезы отчаяния и разбитого сердца.

Да, автокатастрофа вернула ему воспоминания о прошлой жизни, которая закончилась почти две тысячи лет назад. В династии Западная Хань его звали Чжу Сюй. Умирая, он умолял великого провидца позволить ему сохранить воспоминания о той жизни и переродиться рядом со своим Сяо Сянем. Ради этого он был готов заплатить любую цену, не жалея ни о чем.

И великий провидец действительно сдержал обещание: он позволил десятилетнему мальчику обрести память о далеком прошлом — именно в этом возрасте он впервые встретил Дун Сяня две тысячи лет назад.

В то же время он исполнил его желание переродиться рядом со своим Сяо Сянем.

Но он и подумать не мог, что платой станет вечная невозможность получить любовь дорогого человека!

Его Сяо Сянь переродился в его шестилетнюю младшую сестру, Шао Кэсюань!

— Ха-ха! Слишком жестоко... Это поистине жестоко... — Слезы катились по его лицу, и он долго не мог остановиться.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Шао Кэтан наконец успокоился. Он смирился с этой жестокой судьбой и начал выстраивать детальный план.

Как бы то ни было, защита Сяо Сяня — вот что важнее всего. Ведь именно ради этого он и переродился!

Прежде всего, ему нужно найти перерожденного провидца или его наследника. Только так через него можно будет выйти на след Лю Синя.

А затем он ни за что не позволит Лю Синю снова встретиться с его Сяо Сянем. Точно так же, как гласила последняя клятва Чжу Сюя перед смертью — он не допустит, чтобы кто-то, способный причинить вред его Сяо Сяню, оказался рядом с ним.

Ради этой цели он готов пойти на все, не считаясь ни с какими жертвами.

Спустя более десяти лет тайных поисков Шао Кэтан наконец нашел наследницу того самого великого провидца в одном из ювелирных магазинов Тайбэя — Шангуань Цзысюй.

В порыве возбуждения он с ходу выпалил: Поехали со мной! — совершенно не подумав о разумности своих слов.

Шангуань Цзысюй, словно заранее зная, что он ее найдет, без лишних слов согласилась отправиться с ним в Канаду. Это его одновременно поразило и обрадовало — теперь он не боялся, что не сможет найти перерожденного Лю Синя. Теперь он сможет предотвратить беду заранее, ни за что не позволив Лю Синю и Дун Сяню встретиться снова.

Канада.

Как только Шао Кэтан узнал, что Шао Кэсюань втайне от него отправилась в выпускное путешествие по Европе, он пришел в ярость.

— Почему ты предала меня?! Почему, пока меня не было, ты позволила Кэ-Кэ уехать в Европу?!
— Это было немыслимо! Ведь тот самый перерожденный Лю Син жил в Германии! Все эти годы он так тщательно запрещал Кэ-Кэ летать в Европу, ради чего?! К чему он стремился?!

А теперь, выходит...

— Ты так же хорошо, как и я, понимаешь, что их новая встреча предопределена судьбой, и мы не в силах это легко изменить, — спокойно ответила Шангуань Цзысюй.

— Можем! Судьба меняется человеческими усилиями. Я верю в это. Тот факт, что Кэ-Кэ не встретила с перерожденным Лю Сином в восемнадцать лет — лучшее тому доказательство, разве нет? — Говоря об этом, он был счастлив, что его старания все эти годы не прошли даром.

Шангуань Цзысюй слегка усмехнулась и холодно произнесла:

— И что с того? Рано или поздно они встретятся — это не имеет решающего значения, разве ты не знаешь?

Шао Кэтан лишился дара речи.

Шангуань Цзысюй продолжила:

— Как бы ты ни старался все исправить, уже поздно. Кэ-Кэ, скорее всего, уже в Германии и познакомилась с тем маркизом! — Так показывали ее гадания.

Услышав это, Шао Кэтан, чье лицо и без того было мрачнее тучи, стал еще страшнее.

— Я этого не допущу! Я немедленно отправлюсь в Германию и заберу Кэ-Кэ обратно!

Сказано — сделано. Он схватил телефон и отдал приказ управляющему готовить билеты и собирать вещи.

— Неужели ты не можешь быть благоразумным? Почему ты позволяешь делам прошлой жизни влиять на нынешнюю? Нынешняя жизнь существует не для того, чтобы продлевать прошлое. Почему ты никак не поймешь?! — Шангуань Цзысуй была взволнована.

Как и тот великий провидец в свое время, она питала к этому мужчине глубокие чувства и надеялась увести его с пути этой трагической судьбы.

Шао Кэтан прекрасно понимал, что она имеет в виду, но оглядываться назад он не хотел и менять своих намерений — тем более.

— Я знаю лишь одно: этот человек снова принесет Кэ-Кэ несчастье. Так было в прошлой жизни, так будет и в этой. Поэтому я должен разлучить их, пока не случилась трагедия, чтобы они никогда больше не встретились. Только так Кэ-Кэ сможет обрести настоящее счастье!

— Это лишь твои собственные домыслы. Не факт, что все пойдет так, как ты себе представляешь...

Не дожидаясь, пока Шангуань Цзысуй закончит, Шао Кэтан направился к выходу.

— Спасибо, Цзысуй, но я все решил. Ты должна понимать. Я ухожу!

Затем он, не оборачиваясь, быстро зашагал прочь.

— Кэтан, вернись! — Зная, что никакие крики не заставят его обернуться, Шангуань Цзысуй все же не могла сдержать отчаянного крика.

— Кэтан!

Германия, замок на юге страны.

Цинь Мэнтин смотрел на спящую Шао Кэсюань. Его переполняло невыразимое чувство

сладости, а также знакомая, но вместе с тем чужая тоска.

Это действительно она. Та самая девушка, которая постоянно приходила ко мне во снах, всегда одетая в ханьские одежды. Она существует на самом деле.

Нежные, утонченные черты лица, соблазнительные, как лепестки цветов, губы, шелковистые темные волосы — все это пробуждало в нем давно забытую страсть, заставляя сердце биться чаще, против воли задевая струны его души...

Шао Кэсюань почувствовала, как голова наливается тяжестью. С трудом разомкнув веки, которые казались тяжелее свинца, она с ужасом обнаружила, что над ней нависло нечто огромное, словно черная туча, готовое вот-вот коснуться ее лица.

— Ты что творишь, извращенец! — Те, кто ослеплен ее нежной и утонченной внешностью, обречены на беду, и этот мужчина — живой тому пример.

Стоило ему приблизиться к лицу Шао Кэсюань, как та, «нанеся прямой удар», оттолкнула его. Это был настоящий, полноценный удар ладонью — переносицу бедняги чуть не свернуло набок!

— Наглец! Назови свое имя! Не думай, что эту девушку так легко обидеть! — Шао Кэсюань не была простушкой, и она отнюдь не относилась к тем, кто легко прощает обиды.

Цинь Мэнтин остолбенел от ее неожиданной реакции.

С ума сойти! Такая нежная и хрупкая внешность, а внутри — такая стальная воля и энергия! Она — точная копия той красавицы из его снов!

Ощущение далекой, знакомой тоски снова нахлынуло на его сердце.

— Госпожа, прошу, успокойтесь, госпожа...

Растерянные крики и быстрые шаги за дверью прервали их разговор.

Не прошло и двух секунд, как дверь с грохотом распахнулась. В комнату вошла строгая, надменная старуха, а следом за ней — молодая немка и мужчина средних лет.

— Бабушка... — неловко пробормотал Цинь Мэнтин. Перед этой женщиной, обладавшей чистокровной немецкой родословной, он всегда чувствовал себя неполноценным и не мог смотреть ей в глаза.

Старуха, как обычно, видела в нем позор семьи и презирала до мозга костей.

— Девушка на кровати, немедленно вставай и убирайся отсюда вместе со своими друзьями!

Наш благородный замок не приветствует таких никчемных цветных, как вы, и мы не проводим экскурсии для посторонних. Уходите! Боб, выпроводи их!

Выпалив все это, она задрала подбородок и приняла крайне высокомерный вид.

— Бабушка, пожалуйста, не... — Нет! Он не хотел, чтобы эта девушка уходила! Ведь он так долго ее искал!

— Эй, старуха! — Цинь Мэнтин не успел договорить, как инициативу перехватила Шао Кэсюань.

— Я говорю это из добрых побуждений: ты уже в таком возрасте, одной ногой в могиле стоишь. Если не изменишь свой скверный и надменный характер, то рискуешь превратиться в противную, одинокую старуху, которая закончит жизнь в полном одиночестве, и никто даже не заметит, что ты умерла, и хоронить тебя будет некому! Советую тебе сменить тон и стать милой бабушкой — тогда тебя будут больше любить, верно ведь?

Сказав это, она игриво подмигнула и послала старухе воздушный поцелуй.

В комнате воцарилась тишина — все были ошарашены такой неожиданной выходкой.

Ха-ха...

Цинь Мэнтин вдруг разразился громким смехом, отчего атмосфера в комнате стала еще более нелепой и неловкой.

Анлор?! Иветт, стоявшая за спиной старухи, уставилась на смеющегося Цинь Мэнтина с недоумением.

И он тоже способен на такую живую, очаровательную улыбку?! Тот самый человек, который годами ходил с ледяным, бесстрастным лицом? Из-за этой желтокожей девчонки?!

В сердце Иветт вспыхнуло пламя, полное странной и опасной ревности.

Видя, что Цинь Мэнтин смеется все залиvistее, старуха пришла в ярость.

— Никакого воспитания! Правду говорят: рыбака рыбака видит издалека. Боб, Иветт, уходим! Я не могу больше находиться в этом грязном, отвратительном месте. Анлор, надеюсь, когда я приеду в следующий раз, в этом замке не будет никакого мусора. Ты меня слышишь?

Сказав это, она с грохотом захлопнула дверь и удалилась.

Смех Цинь Мэнтина оборвался от этого грохота.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось это выслушать. — Говоря это, он вновь стал холодным и отстраненным.

— Это же не твоя вина, к чему извиняться! — Шао Кэсюань всегда четко разделяла добро и зло. — Эта старуха — твоя бабушка?

Цинь Мэнтин помолчал три секунды, прежде чем с самоиронией ответить:

— Да. Просто она не слишком довольна своим внуком, в чьих жилах течет наполовину китайская кровь. Она считает, что я недостойн быть членом этого рода.

— Да плевать на то, что несет эта полоумная старуха! Какой сейчас век, кому какое дело до этой крови? Главное — жить легко и счастливо! — Шао Кэсюань выразила свое полное несогласие с таким подходом.

Цинь Мэнтин на мгновение замер, а затем с кривой усмешкой ответил:

— Это ты так говоришь, обычные люди могут так рассуждать, но я...

— Эй, отвечай мне! — Она в ярости подскочила к нему, заглянула в лицо снизу вверх и с вызовом ткнула пальцем ему в грудь. — Ты что, сам стыдишься той половины китайской крови, что в тебе течет?

— Я...

Хлесь! Шао Кэсюань, не колеблясь, влепила ему пощечину.

— Слушай сюда! Если ты на самом деле стыдишься своих корней, то ты такой же упрямый и гнилой камень, как та старуха, понимаешь? Знай, что твои мысли только ранят родителей, которые дали тебе жизнь! К тому же, жизнь так коротка, а ты тратишь большую часть времени на эту ерунду. Как же ты не ценишь жизнь! Если собираешься и дальше так жить, лучше сразу заканчивай — меньше будешь позорить ту прекрасную жизнь, которую подарили тебе родители! — Она терпеть не могла таких людей. Почему он запер себя в башне из слоновой кости? У него есть все — внешность, условия, почему он не живет нормально, а просто транжирит свои таланты? Это одновременно злило ее и заставляло сочувствовать.

Цинь Мэнтин был поражен ее словами. Никто и никогда не смел так его отчитывать, никто не говорил ему подобного! С самого детства он жил в тени «теории чистоты крови», был подавлен и вкусил горечь дискриминации, отчуждения и одиночества.

А теперь эта красавица, которая постоянно являлась ему во снах, вдруг...

— Не стой с открытым ртом, ты вообще понял, что я сказала? — Шао Кэсюань еще несколько раз ткнула его пальцем в грудь.

Цинь Мэнтин рассмеялся, затем, с редким выражением нежности, взял ее за руку и проговорил чарующим голосом:

— Я понял. Спасибо тебе, милая девушка. Мое китайское имя — Цинь Мэнтин, Цинь — фамилия моей матери. Можешь звать меня Анлор, но я бы предпочел, чтобы ты называла меня Мэнтин. — Для него это был невероятный прорыв! Раньше он никогда не хотел упоминать свое китайское имя.

— Цинь Мэнтин, Мэнтин! Красиво! Звучит гораздо лучше, чем Анлор. Ладно, буду звать тебя Мэнтин! — Увидев перемену в его настроении, Шао Кэсюань осталась довольна.

Вот именно! Такая мягкость шла ему гораздо больше, чем вечно каменное выражение лица.

— А ты? Как мне тебя звать? — Странно, но когда она назвала его Мэнтин, он почувствовал необъяснимое счастье.

— Меня зовут Шао Кэсюань, я из Канады. Зови меня Кэ-Кэ, друзья всегда так меня называют. — Она была очень общительной девушкой, а с ее красотой ей было легко найти общий язык с кем угодно.

— Кэ-Кэ, давай будем друзьями? — Ему очень нравилась ее невинность, живость и искренность.

Шао Кэсюань мило улыбнулась.

— Мы уже друзья, разве нет?

Внезапно улыбка застыла на ее губах. Она пристально смотрела на стену позади него.

— Тот портрет — это...

Цинь Мэнтин оглянулся и увидел тот самый огромный портрет в древнем наряде. В его глазах вспыхнула глубокая нежность.

— Невероятно, но с тех пор, как мне исполнилось семнадцать, я часто видел эту девушку во сне. Она всегда появлялась в нарядах эпохи Хань, и с каждым годом ее образ становился все четче. Я нанял художника, чтобы написать этот портрет, и все искал ее. Жаль, что безрезультатно. Я уже начал сомневаться, существует ли она на самом деле. И не ожидал, что сегодня встречу тебя — человека, так похожего на нее. Нет, даже не похожего, я должен сказать, что ты — это она!

Это было не просто его воображение. Чем больше времени он проводил с ней, тем больше убеждался: эта девушка и та красавица из сна — один и тот же человек. Почему?

Шао Кэсюань не могла отвести взгляд от портрета.

Что это за чувство? Глядя на картину, она испытывала щемящую тоску и боль.

Но ведь она никогда не носила таких одежд! И почему ему постоянно снилась девушка, так похожая на нее?

Видя ее замешательство, Цинь Мэнтин пожалел, что показал ей картину. Ему так нравилась ее искренняя улыбка, а это выражение шока ей совсем не шло.

— Хочешь, я проведу тебе экскурсию по замку? — попытался он вернуть ей улыбку.

— Правда можно? — Шао Кэсюань снова просияла. Ведь именно ради того, чтобы увидеть этот старинный замок, она и отправилась в Европу.

— Конечно! И если сможешь, я бы хотел, чтобы ты задержалась здесь на несколько дней. Я бы с удовольствием побыл твоим гидом и показал тебе все окрестности. Хорошо? — Впервые в жизни он так отчаянно нуждался в ком-то, так сильно хотел удержать эту девушку рядом, у него даже появилось непреодолимое желание никогда не отпускать ее.

— Тогда не буду отказываться! Но мне нужно выйти к воротам и предупредить друзей, что они могут продолжать путешествие без меня. — Шао Кэсюань легко согласилась. Во-первых, ей действительно нравился замок, а во-вторых... дело было в этом мужчине.

Она и сама поражалась: почему она так не хочет расставаться с человеком, которого видит впервые? Ей казалось, что она просто не может оставить его одного.

Всего за три дня Цинь Мэнтин и Шао Кэсюань стали настолько близки, будто знали друг друга годы. Никакой неловкости, только растущая с каждым часом привязанность.

Стоя у окна, Иветт смотрела на то, как Цинь Мэнтин и Шао Кэсюань резвятся на лужайке. В ее глазах горел злой огонек. Если бы взглядом можно было убить, они бы уже погибли тысячи раз — особенно Шао Кэсюань.

— Мисс Иветт... — видя ее состояние, неуверенно позвал дворецкий Боб, но Иветт не обратила на него внимания.

На самом деле, в тот день Иветт не уехала вместе со старухой, а осталась, просто Цинь Мэнтин не замечал ее присутствия.

Именно поэтому ревность Иветт была еще сильнее.

— Вы еще вспомните меня, я вам этого не прощу!

<http://bllate.org/book/21157/2144446>